

Арефьева Н. Г.
Одесский национальный университет
имени И. И. Мечникова

КОНЦЕПТ “ДУША” В СЛАВЯНСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Статья посвящена комплексному анализу концепта “душа” на материале русской, украинской, болгарской и польской фразеологии. Исследование проводится на широком лексикографическом и паремиологическом материале с привлечением данных этнолингвистических и этимологических источников. Автор приходит к выводу об исключительной роли концепта “душа” в славянской культурной традиции.

***Ключевые слова:** славянские языки, фразеологизм, славянская фразеологическая картина мира, ключевой концепт, национально-культурная специфика.*

Концепт “душа” является одним из наиболее значимых в славянской культурной традиции, поскольку несёт в себе основные составляющие ментальности славян – духовность, эмоциональность, иррациональность. Исследованию феномена души на фразеологическом материале разных языков посвящены работы А. Вежбицкой, И. А. Голубовской, В. А. Масловой, Е. А. Селивановой, М. Михеева, Ст. Калдиевой-Захариевой и других. Как справедливо отмечает И. А. Голубовская, в отличие от англо-саксонской этнической модели личности, в основе которой лежит противопоставление “материального” (body) интеллектуальному (mind), “украинская и российская модели личности основываются на противопоставлении *тела* как материального компонента *душе* (*сердцу*) – морально-эмоциональному ядру человека; сфера иррационального, неконтролируемого разумом тут выступает главной” [3, с. 40-41]. Одним из ключевых концептов русской культуры считает концепт “душа” А. Вежбицкая [2, с. 282].

Целью данной статьи является комплексный анализ концепта “душа” на фразеологическом материале русского, украинского, болгарского, польского языков; выявление общего и национально-специфического в выражении данного концепта.

Прежде всего, отметим, что в славянском культурном ареале **душа**, как и **сердце**, символизирует человека, его внутреннюю сущность. Именно поэтому так часто для выражения сущности человека мы употребляем такие фразеологизмы, как **добрая душа**, **большой души (человек)**, **чистая душа**, **широкая душа** и т. п. Характеризуя человека с лучшей стороны, болгары скажут о нём: **златна душа**, **тя бе изключителна душа**; **той е благородна душа**, **широка душа**, **открита душа**, **прекрасна душа**, **душата (му) е като на длан**, **душа-човек**. А наивысшей похвалой для украинца могут служить следующие выражения: **з душею**, **щира душа**, **золота душа (щире, золоте серце)**, **широка душа**: *Він був добрий. Про таких кажуть: “З душею людина”*; *Подругі в Уляні душі не чули.. Любили в Уляні щирю душу* /П. Мирний/ [ФСУМ, т. 1, с. 277]. В польском языке находим такие фразеологические сочетания: **porzciwa dusza** ‘добрая душа, добряк’; **dobra dusza, szlachetna dusza** ‘благородная душа’, **człowiek wielkiej duszy** ‘человек большой души’ [БПРС, т. 1, с. 173; SFJP, t. 1,

s. 194]. Выражение *с открытой душой* обычно характеризует честного, открытого, искреннего, отзывчивого человека. Ср.: *укр. з відкритою душею (серцем), відкрита душа, душа навстіж (нарозхрист), душа відкрита (розкрита): Хоч душа моя розкрита для чужого горя, як квітка для роси, а проте... я чую – встає з глибини, як вічне прокляття: – ..Ти все ж самотній!..* /М. Коцюбинський/ [ФСУМ, т. 1., с. 277]; *болг. с отворена душа (с открито, с чисто сърце): – Аз идех при теб с открито сърце, пък ти мислеше за мъничката си полза* (– Я к тебе с открытым сердцем шёл, а ты о своей маленькой пользе думала). /В. Саянов, “Небо и земля”/ [РБФС, с. 251]. Польское *okazać* кому *ludzką duszę* (досл. показать кому-л. человеческую душу) употребляется в значении ‘проявить доброе отношению к кому-л., быть снисходительным к кому-л.’ [SFJP, t. 1, s. 195]. И, наоборот, *кривить душой* имеет значение ‘лицемерить, обманывать’, а, по сути, – поступать вопреки своей духовной сущности. Недаром выражения *загубить свою душу; укр. віддати чортові душу, запродати душу чорту; болг. погубя душата си, продавам си / продам си душата <на дявола>; польск. oddać (zaprzedać, zapisać) duszę diabłu* (отдать, продать, записать душу дьяволу) употребляются в значении ‘продаться, предать кровные интересы кого-либо, отступить от всего человеческого’ [ФСУМ, т. 1, с. 286; РБФС, с. 252; ФРБЕ, т. 2., с. 215; SFYP, t. 1, s. 195] и, фактически, являются констатацией духовной смерти человека. Вот лишь некоторые примеры употребления: – *Злодей ты, – прибавила она,.. – ведь я душу свою для тебя загубила, ведь я для тебя воровкой стала* /И. С. Тургенев, “Постоялый двор”/; *Неговият успех се дължи само на рушвети, които широко, но не много щедро раздаваше. Колко души си продадоха душите и съвестите, за да му спечелят милиони* (его успех держался исключительно на взятках, которые он раздавал всюду, но без особенной щедрости. Сколько человек загубили душу и совесть, чтобы он получил свои миллионы). /Елин Пелин, “Аз ти той”/ [ФРБЕ, т. 2, с. 215].

О том, какое важное значение в ментальности славян занимал мотив гибели души и её спасения свидетельствуют и такие лексемы, как *русск. душегуб* и его болгарские эквиваленты *душевадец, душевадник, душегубец, душегубен* (в переводе на русский – губящий душу, пагубный), *душегубна страст* (*русск. пагубная страсть*). Недаром *душа* и *душить* в значении ‘насильственно прекращать дыхание, лишать жизни’ (*укр. душити, болг. душа, польск. dusić*), *душител* ‘тот, кто душит, угнетает кого-либо’ (*укр. душитель, болг. душител, польск. dusiciel*) этимологически связаны между собой [8, с. 121]. Ср. также с противоположным значением: *душеспасительный* (*болг. душеспасителен*), обычно о разговоре.

Об исключительной важности души, необходимости беречь её при любых, даже самых неблагоприятных условиях, свидетельствуют также пословицы, включённые В. И. Далем в сборник “Пословицы русского народа”: *Не криви душой: кривобок на тот свет уйдёшь. Руку, ногу переломишь, сживётся; а душу переломишь, не сживётся. Покривил ты душой (Не пожалел ты души своей)* [Даль, т. 1, с. 240, 239]. Имплицитно этот же мотив отступления от нормы несут в себе такие фразеологизмы, как *русск. кривить / покривить душой, брать / взять грех на душу, очерстветь душой, душа очерствела; укр. кривити душею, брати гріх на душу, положити гріх на душу; болг. кривя (изкривява) си душата, опача си душата, вземам си / взема си грях на душата си* [ФСРЯ, с. 212, 45, ; ФСУМ, т. 1, с. 396, 49; т. 2, с. 670; ФРБЕ, т. 1, с. 541-542, 142]. Ср.: *Мне кажется, тот, чья душа очерствела, / Кто детство забыл и родимую мать, / Продаст не задорого друга и дело, / Тот с лёгкостью родину может предать* /Р. Гамзатов, “Письмо одному хунзахцу”/.

Душа – мерило всех поступков, главная субстанция, данная человеку Богом: *Душа всего дороже, Душа – заветное дело, Обидеть (сзубить) легко, да душе каково; Душа всему мера; Душа меру знает* [Даль, т. 1, с. 239]. Ср. укр. *мати Христа в душі* ‘быть справедливым, милосердным, порядочным’; польск. *dusza duszy* ‘самое дорогое, самое любимое’ болг. *душа и свят (ми) е* ‘любить всей душой’: *Обичаше Хаджи Дончо да чете, но душа и свят му беше, кога накараше да чете малкия му син Митко, към когото питаеше особенна любов...* (Хаджи Дончо сам любил почитать, но душа его таяла от блаженства, когда он заставлял своего младшего сына Митко, к которому он питал особенную любовь, читать ему...) /Чудомир, “Педагогията на Хаджи Донча”/ [ФСУМ, т. 1, с. 477; БПРС, т. 1, с. 173; БРФС, с. 182].

Концепту “душа”, как и концептам “мать”, “хлеб”, “земля”, “сердце”, присущи исключительно положительные коннотации, подтверждением чему являются и такие широко употребительные ФЕ, как русск. *добрая душа, душа компании, душа общества, душа всего дела*; укр. *душа товариства, хвацька душа* ‘безрассудно смелый, отчаянный человек’; *душа не з лопуцька* (в 1-м значении) ‘кто-л. не равнодушен к чему-либо; кто-л. является полноценной личностью; смелый, принципиальный’; болг. *добра душа, открита душа, широка душа, благородна душа, чиста душа, душата на дружеството* (душа общества), *душа<та> и серце<то>* ‘главный организатор, вдохновитель, руководитель какого-либо дела, общества’; польск. *dusza organizacji, dusza towarzystwa, być duszą jakiejś sprawy (jakiejś zabawy)* [ФСУМ, т. 1., с. 282, 278; БРС, с. 137; ФРБЕ, т. 1, с. 285; SFYP, t. 1, s. 194]. Ср. лишь некоторые примеры употребления: *Конечно, он [Яшка] и сам обо всём догадался, по-настоящему добрая душа всегда проникательна к чужой беде, но ничем себя не выдал* /Ю. М. Нагибин, “Школьный альбом”/; *Є в ньому й таке, що хоч-не хоч викликає симпатію... І що роботи не боїться. І взагалі... смілива, хвацька душа!* /О. Гончар/; *Люблю я таких людей, завятих і проклятих, щоб душа в них була не з лопуцька, щоб оглядали життя з високої конструкції* /Ю. Яновський/. Ассоциативную связь концептов “мать” / “душа” прослеживаем в болгарской фразеологии на примерах ФЕ *опържвам / опържа душата* на някого (букв. жарить / жарить чью-л. душу) и *опържвам / опържа до милата майка*, имеющих общее значение ‘разорять кого-л.’ [ФРБЕ, т. 2, с. 30]. В. А. Маслова обращает внимание на связь концептов “душа” и “маленький ребёнок”, приводя гипотезу, согласно которой во ФЕ “закодирован процесс рождения ребенка: *в глубине души, тревожит душу, лезть в душу, берeditь душу, душа нараспашку, хватать за душу, душа плачет, душа надрывается* и др. (на русской иконе “Успение Божьей Матери” душа изображена в виде ребенка)” (выделено нами – Н. А.) [5, с. 142]. На наш взгляд, в основе ассоциативных связей данных концептов лежат семы непорочности, незащитности, доверчивости. Отсюда выражения – *безгрешная душа, чистая душа*.

Наряду с этим, славянская фразеологическая картина мира отражает порочность человеческой личности, главным образом, через порочность души, используя для этой цели резко отрицательные, негативно окрашенные словесные формы: укр. *бісова, чортова, проклята, окаянна, собача душа* употребляются как ругательные выражения [ФСУМ, т. 1, с. 277]. Об очень плохом человеке украинцы скажут – *каїнова душа, темна душа, черства душа* [Там же, т. 1, с. 281, 282]; русские – *чёрная душа* – презр. ‘о коварном, способном на низкие, предосудительные поступки человеке’; *иродова душа* – прост. бран. ‘жестокий, скверный человек’ [ИЭС, с. 210, 209], *мелкая душонка, подлая душа*. В болгарском языке в этих же значениях используются ФЕ *лоша душа, зла душа, мъртва душа, подла душа, долна душа, дребна душа (душица), мръсна душа (душица), черна душа* [4, с. 212]. В польском –

podła dusza, służalcza dusza (лакейская душа), *hultajska dusza* (беспутная душа), *psia dusza* (собачья душа), *nędzna duszyczka* ‘мелкая, жадная душонка’ [SFYP, t. 1, s. 194; БПРС, т. 1, с. 174]. Интересен польский фразеологизм *mieć rogatą duszę*, употребляющийся в значении ‘обладать строптивым нравом’ [SFYP, t. 1, s. 194].

С религиозной точки зрения, душа, как и сердце – символ соприкосновения с Богом, субстанция, осуществляющая связь человека с высшим духовным началом [5, с. 139-141]. Ср. в разных значениях: *русск. жить с Богом в душе, не иметь Бога в душе, грешная душа, брать / взять грех на душу; отпустить душу на покаяние; как Бог на душу положит; укр. мати (не мати) Христа в душі; як Бог на душу покладе; болг. сложа / слагам (взема / вземам) грях на душата си; польск. roboźna dusza* (благочестивая душа) [ФСРЯ, с. 45, 306, 39; ФСУМ, т. 1, с. 47, 477; РБФС с. 216; SFYP, t. 1, s. 194]. Ср. также: *Душа христианская, да совесть-то цыганская; Невинная душа не причастна к греху* [Даль, т. 1, с. 242]. Вот почему обидеть, ранить душу (*укр. ранили душу*) – оскорбить самое сокровенное в человеке, данное ему Богом: *Чей-то мир, как игрушка разрушен / Процветает лишь тот, кто хищней. / Чьей-то матери ранили душу, / Ну, а мне показалось – моей /И. Богачинская/. Недаром ФЕ плюнуть / плевать / наплевать в душу кому (болг. плюя някому в душата) имеет значение ‘оскорбить самое святое, дорогое, сокровенное’ [РБФС, с. 253]. Вспомним слова известной песни В. С. Высоцкого: *Я не люблю себя, когда я трушу / Досадно мне, когда невинных бьют / Я не люблю, когда мне лезут в душу / Тем более, когда в неё плюют*. В польском языке находим ФЕ *wchodyć, włazić z kaloszami do czyjej duszy* (сапогами в душу лезть, влезать) ‘врываться, проникать, вторгаться в сферу личных, интимных переживаний кого-л.’: *Nie lubię, żeby mi kto z kaloszami do duszy wlaził* (не люблю, когда в душу сапогами лезут) /*Zap. G. Mił*/ [SFYP, t. 1, s. 195]. Ср. *укр. лізти з чобітьми в душу; болг. влизам в душата, бъркам в душата* в том же значении [ФСУМ, т. 1, с. 437; БРФС, с. 182; РБФС, с. 251].*

Библейское повествование о сотворении человека Богом закрепилось в русской и болгарской фразеологии: *русск. вдохнуть душу* во что-л., *болг. вдъхна душа* в нечто в значении ‘оживить, возродить что-либо’ [ФСРЯ, с. 58; РБФС, с. 251].

По христианским традициям, со смертью человека душа покидает тело и улетает на небо. Этот мотив получил широкое распространение в славянской фразеологии, когда расставание человека с душой непременно означает его физическую смерть: *русск. отдавать / отдать богу душу; укр. віддати Богу душу, бог прийняв душу до себе; болг. предаде Богу дух, диал. предавам / предам душа и пуцам / пусна душа, с (от) душа се разделям / се разделяя, с душа се прощавам (се разставям) / се простя (се разставя), диал. от душа се отделям / се отделя, душа дадох; польск. oddać Bogu duszę, wuzionąć duszę* (ср. *русск. испустить дух*) в значении ‘умереть’ [ФСРЯ, с. 301; ФСУМ, т. 1, с. 118-119, 37-38; ФРБЕ, т. 2, с. 190, 284; т. 1., с. 284; SFJP, t. 1, s. 195]. Тот же мотив эксплицирует целый ряд ФЕ украинского языка: *душа вилітає (відлітає, тікає, вискакує) / вилетіла (відлетіла, втекла, вискочила) з тіла* ‘хто-небудь помирає, гине’, *душа прощається з тілом* в том же значении; *душа втекла (вискочила и т. п.) з кого; душа відлетіла в небо; душа відійшла до Аїда; душечка відлетіла: Я до неї кинулась.. Воно зітхнуло разочок, і душечка відлетіла* /Марко Вовчок/ [ФСУМ, т. 1, с. 277-278].

Одной из важных ступеней в погребальной обрядности славян является поминовение душ умерших. В славянской культурной традиции представление о смерти как переходе в загробную жизнь, в жизнь вечную тесно связано с культом умерших, с желанием обеспечить, с одной стороны, как можно более лёгкий переход их в мир иной, а с другой, – с желанием, чтобы родным-покойникам было хорошо на

том свете. Именно с культом умерших и мотивом неумирающей, вечной души переплетается верование в то, что душа нуждается в питании, кормлении. Так, ритуальная традиция раздавать еду на похоронах, на поминках и т. д. является широко распространённой в славянском культурном ареале. Ср. *русск. на помин души*, *укр. на помин души* [ФСУМ, т. 2, с. 671]. С этим же мотивом связаны, на наш взгляд, и такие ФЕ, как *за милую душу* (уплетать, есть) в значении ‘с большим удовольствием, очень охотно’ [ИЭС, с. 212]; *болг. ФЕ дойде ми душа (сърце) на място*, значение которой связано с состоянием насыщения после того, как кто-л. испытывал сильный голод, а также целый ряд других болгарских ФЕ, внутренняя форма которых соотносится с восприятием души как живой субстанции, нуждающейся в кормлении: *душата му е законяла за плод; храни си душата; нахраних си душичката; облажвам си душата; храни душа да ти слуша* [4, с. 213]. Культ умерших наряду с мотивом вечной, неумирающей души представлен в польской фразеологии: *za spokój duszy* ‘за упокой души’; *dusze zmarłych* ‘молитва о душах умерших’; *świeć, Panie, nad jego duszą* (букв. освещай, Господи, его душу) – ‘царствие ему небесное; упокой, господи, душу его’ [SFYP, t. 1, s. 194, 195]. Последний фразеологизм по своей внутренней форме соотносится со славянской народной традицией, согласно которой смерть и загробная жизнь тесно связаны с представлениями о переходе из “белого света” в мир мрака и тьмы вековечной, в связи с чем, существовал целый ряд ритуалов, направленных на то, чтобы родным-покойникам “было видно” на том свете [7, с. 188, 191]. Так, у Н. И. Толстого находим примеры, когда в Северо-восточной Сербии в поминальные дни (задушницы) “задушную свечу” зажигают и пускают по воде, а в родительскую субботу (Задушну субботу) ставят поминальную еду на небольшой круглый столик (софрицу), зажигают свечу и подносят всё это кому-л. из мужчин – чаще всего тому, кого больше всего любил покойник. Сербы в Хомолье верили, что “задушная свеча” горит и светит на том свете от одной “задушицы” до другой. Если же не зажечь свечу на задушницу, покойник останется в темноте [Там же, с. 191]. Обращает на себя внимание и этимологическое толкование слов *задушница, задуши, задушие* ‘пожертвование за упокой души’ (польск. *Zaduszki, dzień zaduszny* – церк. день поминовения усопших; *obrzęd zaduszny* – поминальный обряд; *msza zaduszna* – заупокойная месса), которые образованы из выражения *за душу* [ЭСРЯ, т. 2, с. 74]. С задушницей – поминальным днём у болгар связан целый ряд болгарских фразеологизмов: *припкам като поп на задушница* (букв. бегать, как поп на задушницу) – *ирон.* ‘не иметь терпения, быть крайне нетерпеливым, настаивать, чтобы что-л. было сделано как можно быстрее’ (ср. синонимичные ФЕ *припкам като поп на помен (кръщене)* (букв. бегать, как поп на поминках (на крестинах)); *ирон. припкам като просяк на задушница* (букв. бегать, как нищий на задушнице) [ФРБЕ, т. 2, с. 209]; *правя с чуждо блюдо задуши* – *диал. ирон.* ‘проявлять щедрость, пользуясь чужими средствами, распоряжаясь чужими благами, средствами как своими’ (ср. ФЕ-синонимы *правя с чужда пита майчин помен* – букв. справлять поминки матери на чужом хлебе (пита – обрядовый хлеб у болгар – Н. А.)); *правя с чужд хляб бащин помен* – букв. справлять поминки отца на чужом хлебе) [ФРБЕ, т. 2, с. 182]. Отметим, что по славянской народной традиции, сакральный хлеб выпекается для покойников: “абсолютное большинство сакральных хлебов с описываемой символикой (символикой зрения, глаза – Н. А.) выпекается в такие дни, которые связаны с культом предков, с покойниками, с загробным миром” [7, с. 200].

Анализируя концепт “душа” на материале украинской фразеологии и паремииологии, Е. А. Селиванова отмечает, что душа в украинских паремиях отождествляется с женой, тогда как муж – с головой: *Чоловік в домі – голова, а жінка*

– *душа* [6, с. 123]. Ср.: *болг. Мъжът вкъщи е глава, а жената – душа* [БПП, С. 54]. Душа асоциируется с женщиной, девушкой, возлюбленной. Ср. в разных языках с оттенками нежного, ласкового, трепетного отношения: *укр. Жінко – душечко!*; *русск. Душа моя! Душенька! Душечка!*; *болг. Душка!*; *польск. ласковое Moja duszko! Pani duszka ‘возлюбленная’*. К примеру, в текстах русских романсах душа характеризуется как тоскующая, доверчиво нежная, откровенная и т. д., часто встречается в качестве обращения к любимой девушке, женщине: *Поцелуй же меня, подари ты меня, / Моя душечка, моя душечка!* Душечка – героиня одноимённого рассказа А. П. Чехова, бесхитростная женщина, попадающая под влияние своих возлюбленных, чей образ используется для характеристики людей, меняющих свои взгляды и убеждения под влиянием тех или иных людей [КС, с. 107].

На наш взгляд, отождествление души с женским началом является одним из проявлений древней культурной традиции, согласно которой женское начало традиционно ассоциировалось со слабостью, пассивностью, эмоциональностью, тогда как мужское символизировало силу, активность, агрессию [1, с. 30]. Характерно, что *душа*, как и *земля*, *мать* является именем существительным женского рода в тех языках, которые имеют родовую категорию. Именно этим, с нашей точки зрения, можно объяснить тот факт, что *душа* в славянской фразеологической картине мира служит характеристикой не только внутренних качеств, но, вместе с тем, является средоточием разнообразнейших чувств и эмоций: *русск. душа плачет, болит, радуется, поёт, не принимает, душа в пятки убежала*; *укр. душа болить, кипить, нис, щемить, ятриться, радіє, поривається, тривожиться, тішитися, не приймає, душа в п'яти тікає, душа обливається кров'ю, душа огортається (переймається, проймається) жалем (смутом, тугою)*; *болг. душата (ме) боли, стяга ми се / стегне ми се душата, свива ми се / свие ми се душата (от безпокойство, притеснение), тежи ми на душата, олекна ми / олекне ми на душата, дълбоко в душата си страда, в душата си ликува, камък ми тежи на душата*; *польск., aż dusza rośnie, raduje się; rośnie, (raduje się) dusza ‘на душе становится весело (радостно), душа радуется’; jest komu lekko, raźnie, ciężko, głupio na duszy (кто-л. в хорошем, весёлом настроении; в подавленном состоянии, в неловком положении); mieć duszę na ramieniu (ze strachu), (robić co) z duszą na ramieniu, uciekać z duszą na ramieniu – русск. душа в пятки убежала* [ФСУМ, с. 277-279, 281; ФРБЕ, т. 2, с. 362, 272, 394, 24; т. 1, с. с. 475; БПРС, т. 1, с. 173; SFYP, t. 1, s. 194].

Идеальным является гармоническое единство тела и души, их взаимодействие и взаимопроникновение. По Е. А. Селивановой, “тело человека рассматривается этносом как форма существования индивидуальности, в качестве вместилища души”: живой, нормальный человек имеет единство, гармонию души и тела (*душею і тілом* (курсив наш – Н. А.) – “полностью, до конца, всем существом; 3. Во всех отношениях; 4. Гармонично, в полном внутреннем согласии” [6, с. 112; ФСУМ, с. 283]. То же находим и в других славянских языках: *русск. и душой и телом, болг. с душа и тяло; польск. duszą i ciałem, z duszą i ciałem*. Ср. также *русск. ни душой ни телом ‘нисколько, совсем (не виноват, не причастен к чему-либо и т. п.)’* [ФСРЯ, с. 152]. Несомненно значимой, с нашей точки зрения, является постпозиция лексемы “тело” относительно лексемы “душа”, что ещё раз подтверждает большую значимость “души вечной”, её первичности в сравнении с “бренным телом” в славянской культурной традиции. Этот же мотив прослеживается и в установке: *красота не важна, важны внутренние качества человека: Рожа крива (черна), да душа пряма (бела), Плоха рожа, да душа гожа, Рожа не гожа, да душа пригожа, Личиком беленек, да душой черненек* [Даль, т. 1, с. 244].

Антиномію души и тела наблюдаем в ряде русских пословиц и поговорок, зафиксированных В. И. Далем в книге “Пословицы русского народа”. *Телу простор – душе теснота* (и наоборот); *Душа на прохладу, а плоть в баню; Душа прохладу любит, а плоть пар; Душа божья, тело государево, а спина барская; Не об одном хлебе сыты бываем; Плоть грешна, да душа хороша; Плоть немощна, а душа грешна; У бедного шуба овечья, а та же душа человечья* [Даль, т. 1., с. 238-239]. Такие пословицы отражают и лишь подтверждают, на наш взгляд, единство тела и души. Ср. польск. *Wielka dusza w małym ciele* (букв. большая душа в малом теле) [SFYP, t. 1, s. 195]. И, наоборот, такие пословицы, как *Тело без души (бездушное тело; бездушный человек); Грешное тело и душу съело; Душе с телом мука* [Даль, т. 1, с. 239] эксплицируют отступление от нормы и являются свидетельством серьёзной патологии личности.

Как было сказано выше, в народном сознании расставание души с телом воспринимается как смерть и характеризуется как состояние, указывающее на её приближение, что находит отражение в славянской фразеологической картине мира: русск. *отдать богу душу* ‘умереть’, *вышибать / вышибить душу (дух)* из кого – груб.-прост. ‘убивать ударом’; укр. *душа прощається (розлучається) / попрощалася (розлучилася) з тілом* ‘кто-л. умирает’, *душа вилітає (відлітає, тікає, вискакує* и т. п.) / *вилетіла (відлетіла, втекла, вискочила* и т. п.) *з тіла* ‘кто-либо умирает, погибает’, *душа покинула* кого ‘кто-л. умер’, *душа преставилася* в том же значении; болг. *излиза ми / излезе ми душата, изпускам (изпуцам) / изпусна си душата, предавам / предам Богу дух, предавам / предам душа, с душа се разделям / се разделя* в значении ‘умереть’, *вземам / взема душа* на някого ‘убивать / убить кого-л.’; польск. *oddać Bogu duszę* ‘умереть’, *wyzionąć duszę* (досл. выдохнуть душу) ‘испустить дух’, *wyplakać duszę* (досл. выплакать душу) ‘умереть от горя’, *wytrząsnąć, wytrząść duszę z kogo* (досл. вытряхнуть, вытрясти душу из кого) ‘лишить жизни, убить кого-л.’ [ФСРЯ, с. 301, 100; ФСУМ, т. 1, с. 277-279; ФРБЕ, т. 1, с. 408, 425, 286; т. 2, с. 189-190, 284; БРФС, с. 182; SFYP, t. 1, s. 194-195].

В болгарской фразеологической картине мира наиболее широко представлено состояние, близкое к смерти, характеризующееся полным упадком сил, немощью, что свидетельствует о большей значимости данного мотива в ментальности болгар. Ср.: *душа за две пари нямам* ‘чрезвычайно немощен, слаб’, *оставам / остана без душа, душа (душица, душичка) не ми остава / остане* ‘изнемогать, совершенно обессилеть от тяжёлой работы или болезни’, *душа под наем нося* (досл. относить душу в наём) – диал. ‘умирать’, *душа се крие под нокът* (душа прячется под ногтем) и *душата ми се е събрала под нокът* – ‘употребляется как выражение надежды на то, что кто-л. выздоровеет, несмотря на то, что состояние его безнадежно’, *душата ми е в (зад) зъбите* (досл. душа в зубах (за зубами)) и *душата ми се е запряла в зъбите, душата ми се е събрала в зъбите* – ‘1) кому-л. очень плохо, кто-л. очень ослабел и скоро умрёт; 2) еле дышать, едва переводить дух от страшной усталости’, *душата ми играе* – диал. ‘жив, ещё не умер’, *душата ми мирише на плесен* (досл. душа пахнет плесенью) ‘кто-л. очень ослабел, скоро умрёт’ [ФРБЕ, т. 1, с. 285-286]. Ср. русск. *душа с телом растаётся, еле-еле душа в теле* ‘едва, чуть жив’; укр. *ледве душа держиться в тілі* ‘о слабом, вялом, еле живом человеке’, *душа на одній нитці (павутиці) держиться (тримається)* ‘кто-л. чуть жив’; польск. *paść, leżeć bez duszy* (досл. упасть, лежать без души) ‘не подавать признаков жизни’ [ФСРЯ, с. 150-151; ФСУМ, т. 1, с. 281, 278; SFYP, t. 1, s. 194-195].

В украинском фольклоре мотив расставания души с телом довольно редок:

*Що душа із тілом розставалася,
Та розставалася та й не прощалася:
Що в п'ятницю рано долю проспівало,
А в суботу рано людей осуждало,
А в неділю рано утренью проспало.
Утренью проспало, службу проснідало.*

Однако более частотным является мотив, согласно котрому душа, покинувшая тело, возвращается, чтоб попрощаться с ним: *“Ти прощай, тіло моє! Тобі, тілу, йти в сиру землю, в гробову дошку – твоїм кісточкам сирій землі на додаточок, білому тілу червам на з'їження, а мені, душі, до Господа Бога йти на покуту, на грізну відповідь, на муку вічну, гесенну огненну!”* [УМ, с. 170].

Синонимичность концептов “душа”, “дух” и “сердце” отмечают многие исследователи. Так, И. А. Голубовская, исследуя концепты “душа” и “сердце”, приходит к выводу о большей специализации номена “сердце” в выражении эмоций в русской и украинской фразеологии [3, с. 41]. Е. А. Селиванова считает, что, несмотря на возможную вариативность лексем “душа” и “сердце” во фраземах *на дні душі (серця), на саме дно душі (серця)* со значением глубины чувств, соматизм “душа” больше связан с индивидуальностью, чем сердце [6, с. 119]. Идентичность души и сердца в качестве локализации эмоций подчёркивает болгарская исследовательница Ст. Калдиева-Захариева [4, с. 207].

Мы придерживаемся точки зрения, согласно которой душа и сердце, несомненно, играют ведущую роль в вербализации эмоционального состояния человека, тем не менее сердце является всё же анатомическим органом – преимущественно местом локализации чувств и эмоций личности, тогда как душа, кроме вышеназванных функций, может служить олицетворением человека, его внутренней сущности. Не случайно, в славянской фразеологии *душа* – название человека: *русск. ни (одной) души* ‘никого, ни одного человека’, *добрая душа, чистая душа* и т. п.; *укр. жива душа* в значении ‘человек’, *ні одна (жива) душа* ‘никто’; *[жодної] живої душі* не видно, не було и т. п. в значении ‘никого’; *ні [живої] душі* нема, не було – ‘абсолютно никого, ни одного человека’; *болг. жива душа няма (не се вижда)* ‘никого, ни одного человека’; *колко души са събрани тук; тя бе изключителна душа, той е благородна душа; польск. nie ma żywej duszy, ani żywej duszy* ‘никого нет, ни одного человека’; *dobra, harda, rogata, pobożna, poczciwa, szlachetna dusza* и т. п. [ФСРЯ, с. 152; ФСУМ, т. 1, с. 281, 285; ФРБЕ, т. 1, с. 353; SFYP, t. 1, s. 194].

Душе дано не только чувствовать, но и знать, понимать, анализировать, оценивать. Ср. *русск. Душа душу знает, а сердце сердцу весть подаёт; Сердце – вещун, а душа – мера; Сердце – пестун, а душа – дядька; Сердце душу бережёт и душу мутит* [Даль, т. 1., с. 239]. Ср. также *болг. душата ми не го проумява; в душата си признаваше неговото право* [4, с. 211].

В отличие от сердца, душа является олицетворением желаний человека: *русск. душа не принимает, сколько душе угодно, что душе угодно, для души; укр. душа не приймає, куди душа забажає (захоче, запрагне); як душа забажає; чого душа забажає; скільки душа забажає; болг. душата му копнее, душата му е устремена, “душата ми жадува твоята душа”* (Яворов); *польск. ile dusza zapragnie* ‘сколько (душе) угодно’; *hulaj dusza!* ‘гуляй! веселись!’, *dusza wurywa się do czego, ku czemuś* ‘кто-л. хочет чего-л., стремится к чему-л.’ [ФСРЯ, с. 150, 488-489, 152; ФСУМ, т. 1, с. 279-283; 4, с. 213; БПРС, т. 1, с. 173; SFYP, t. 1, s. 195].

Душа, как и **сердце**, имеет собственную параметризацию. Так, исследуя концепт “душа” на материале болгарской и румынской фразеологии, Ст. Калдиева-Захаријева отмечает, что душа представляет собой “материальный физический образ”, поскольку характеризуется такими параметрами, как объём (*болг. свива му се душата, стегна му се душата*), ширина (*болг. широка душа, с широка душа*), глубина (*болг. влизам в душата, до дъното на душата*), а также имеет цвет (*болг. черна душа*), запах (*душата му мирише на плесен, душата му мирише на мляко, душата му вонее на бъчва*), материал, из которого она сделана (*златна душа, желязна душа*) и т. п. [4, с. 208-209]. Многие из вышеперечисленных параметров находим и в других славянских языках. Ср. соответственно:

– **объём**: *русск. от полноты души (сердца)* ‘от избытка чувств’; *укр. порожня душа* ‘кто-л. ощущает душевную опустошённость, находится в состоянии депрессии, равнодушия к окружающему (от горя, усталости и т. п.)’; *порожньо в душі; польск. dusza napęlnia się czym* (букв. душа наполняется чем) – ‘кто-л. чувствует что-л.’ [ФСРЯ, с. 338; ФСУМ, т. 1, с. 281-282; т. 2, с. 677; SFYP, t. 1, s. 195];

– **глубина**: *русск. в глубине души (сердца)* ‘внутренне, втайне; подсознательно’, *до глубины души* ‘очень сильно (волновать, потрясать, поражать и т. п.)’; *укр. до глибини душі, з глибини душі, іти з глибини душі; польск. w głębi (na dnie) duszy* ‘в глубине души’; *z głębi duszy* ‘из глубины души’ [ФСРЯ, с. 108; ФСУМ, т. 1, с. 173, 355; БПРС, т. 1, с. 173];

– **ширина**: *русск. широкая душа, душа нараспашку* ‘чистосердечный, прямодушный, откровенный’; *укр. широка душа* [ФСРЯ, с. 150; ФСУМ, т. 1, с. 282];

– **цвет**: *русск. чёрная душа, укр. темна душа* [ИЭС, с. 108; ФСУМ, т. 1, с. 282];

– **материал, из которого она сделана**: *укр. золота душа (золоте сердце)* употребляется для обозначения положительных качеств человека: правдивости, искренности, доброжелательности, сердечности и т. п. [ФСУМ, т. 1, с. 282-283].

Как видим, категория запаха присутствует только в болгарском языке (*душата му мирише на плесен* – букв. у него душа пахнет плесенью; *душата му мирише на мляко* – букв. у него душа пахнет молоком), тогда как материал, из которого сделана душа присутствует в украинской и болгарских ФЕ (*укр. золота душа, болг. златна душа, желязна душа*).

О том, что душа, в отличие от сердца, связана с представлениями, верованиями, и мифами про автономность, подвижность души справедливо замечает Е. А. Селиванова [6, с. 121]. По народным поверьям, душа помещалась в углублении между ключицами над грудной костью; в этом же месте по обычаю хранили деньги [ИЭС, с. 211]. Ср. *русск. за душой ничего (ни копейки, копейки) нет; укр. за душею* (в 1-м знач.); *без шеляга за душею, не мати і гроша за душею, копійки нема за душею; польск. nie mieć grosza przy duszy* ‘не иметь за душой ни гроша’ [Там же, с. 211; ФСУМ, т. 1, с. 283; т. 2, с. 962, 541; БПРС, т. 1, с. 173]. В. А. Маслова отмечает, что в разных культурахместилищем души могут быть различные органы: диафрагма, сердце, почки, глаза [5, с. 140]. В русской, украинской, польской фразеологии душа может спускаться даже в пятки: *укр. душа в п’яти тікає (заглядає, лізе, ховається* и т. п.), *заганяти душу в п’яти, душа в п’ятах; русск. душа уходит (ушла, убежала) в пятки; болг. душата (сърцето) (ми) пада / падна, отива / отиде в петите; польск. mieć duszę na ramieniu (ze strachu), (robić co) z duszą na ramieniu* [ФСУМ, т. 1, с. 278, 302; ФСРЯ, с. 150; РБФС, с. 249; SFYP, t. 1, s. 194]. Большим разнообразием в этом отношении отличается болгарская фразеология: **душа** здесь может располагаться в самых неожиданных частях тела. Ср.: *душата му е дошла в (до) зъбите, душата ми е зад зъбите, душата се е събрала (запряла) в зъбите, душата ми се е закрепила под*

ноктите, душата ми се е събрала под нокът, душата ми се крие под нокът, душата му е дошла под носа, падна му сърцето в гащите (букв. сердце упало в штаны) [4, с. 210]. Культурно-национальной спецификой отличается польская пословица *U Polaka dusza na języku* (букв. у поляка душа на языке), а также ФЕ *dusza przez gębę lezie* (досл. душа через рот лезет) [SFYP, t. 1, s. 195], что может свидетельствовать об откровенности, искренности поляков в беседе, разговоре (ср. русск. *поговорить по душам, задушевный разговор*; укр. *по душах* (поговорить, порозмовляти); болг. *задушевен разговор*).

В славянской фразеологической картине мира обладателями души могут быть животные. Ср. болг.: *остави котето на мира – и то душа носи* (досл. оставь котёнка в покое – и он имеет душу). Так, для характеристики трусливого, робкого человека употребляются такие партонимы, как заяц, иногда мышь (русск. *заячья душа, укр. заяча душа; мишача душа* ‘трусливый, робкий человек, способный на подлость’; болг. *заешка душица, заешко сърце*) [ФСРЯ, с. 151; ФСУМ, т. 1, с. 281; РБФС, с. 248]. В качестве ругательного используется, как правило, сравнение с собакой: укр. *собача душа*, болг. *имам кучешка душа*, польск. *psia dusza* [ФСУМ, с. 277; SFYP, t. 1, s. 194]. В польской фразеологии находим сравнение с крупным рогатым скотом: *rogata dusza* ‘строптивый нрав’, *mieć rogatą duszą* ‘быть гордым, неуступчивым’ [БПРС, т. 1, с. 173; ФРБЕ, т. 1, с. 118; SFYP, t. 1, s. 194].

Фразеологизмы со словом “душа” широко распространены во всех стилях речи. Широко употребляются они в текстах песен и стихотворений. Вот лишь один из примеров:

*И я открыл дневник и стал читать
чужой души мучительную повесть,
но разве в мире есть чужие души, когда вокруг так часто – ни души...
И мне душа чистейшая раскрылась
/Евгений Евтушенко “Голубь из Сантьяго”/*

Рассмотрев экспликацию концепта “душа” в славянской фразеологической картине мира, мы пришли к следующим выводам:

- 1) душа – один из важнейших концептов славянской культуры, широко представленный в славянской фразеологической картине мира;
- 2) душа – олицетворение внутренней сущности человека, его “alter ego”;
- 3) концепту “душа”, как и концептам “мать”, “сердце”, присущи положительные коннотации;
- 4) наряду с концептом “сердце”, душа является средоточием разнообразнейших чувств и эмоций личности;
- 5) душа является главным стержнем в экспликации бинарной оппозиции “жизнь – смерть”;
- 6) помимо общих характеристик, концепт “душа” отличается национально-культурной спецификой в разных языках (русск. *загадочная русская душа*, укр. *душа не з лопуцька, хвацька душа, мишача душа*, болг. *душата ми е зад зъбите, душата ми се е събрала под нокът, остави котето на мира – и то душа носи*, польск. *rogata dusza, U Polaka dusza na języku*).

Л и т е р а т у р а :

1. *Арефьева Н. Г.* Гендерні стереотипи у болгарській фразеології: дис. на здобуття наук. ступеня к. філол. н. : спец. 10. 02. 03 “Слов’янські мови” / Н. Г. Арефьева. – Одеса, 2009. – 233 с.

2. *Вежбицкая А.* Семантические универсалии и описание языков / Анна Вежбицкая ; [пер. с англ. А. Д. Шмелёва, под ред. Т. В. Булыгиной]. – М. : Языки русской культуры, 1999. – I – XII, 780с.
3. *Голубовська І. О.* Душа і серце в національно-мовних картинах світу (на матеріалі української, російської, англійської та китайської мов) / І. О. Голубовська // Мовознавство. – К., 2002. – № 4-5. – С. 40-48.
4. *Калдиева-Захариева С.* Познанието за душата според българската и румънската фразеология / Стефана Калдиева-Захариева // Изследвания по фразеология, лексикология и лексикография (в памет на проф. д.ф.н. Кети Анкова-Ничева). – София, 2008. – С. 206-216.
5. *Маслова В. А.* Лингвокультурология : учебн. пособие для студ. высш. учебн. заведений / Валентина Авраамовна Маслова. – М. : Академия, 2001. – 208 с.
6. *Селіванова О. О.* Нариси з української фразеології (психокогнітивний та етнокультурний аспекти): монографія / Олена Олександрівна Селіванова. – К. – Ч. : Брама, 2004 – 276 с.
Т. 1 – 1974. – 759 с.
Т. 2. – 1975. – 779 с.
7. *Толстой Н. И.* Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике / Никита Ильич Толстой. – М. : Индрик, 1995. – 509 с.
8. *Цыганенко Г. П.* Этимологический словарь русского языка : Более 5 000 слов. – 2-е изд., перераб. и доп. / Г. П. Цыганенко. – К. : Рад. шк., 1989. – 511 с.

Источники :

1. КС – Ашукин Н. С., Ашукина М. Г. Крылатые слова: Литературные цитаты; Образные выражения / Николай Сергеевич Ашукин, Мария Григорьевна Ашукина. – 4-е изд., доп. – М. : Худож. лит., 1988. – 528 с.
2. БРФС – Кошелев А. К., Леонидова М. А. Болгарско-русский фразеологический словарь / А. К. Кошелев, М. А. Леонидова. – М. : Русский язык. – С. : Наука и искусство, 1974. – 635 с.
3. Даль – Даль В. И. Пословицы русского народа: сборник : в 2-х томах / Владимир Иванович Даль. – М. : Художественная литература, 1984 – 399 с., ил.
4. ИЭС – Бирих А. К. Русская фразеология: историко-этимологический словарь / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова / [под ред. В. М. Мокиенко]. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Астрель : АСТ : Люкс, 2005 – 926, [2]с.
5. БПП – Стойкова С. Български пословици и поговорки / Стефана Стойкова. – С. : Колибри, 2007. – 430 с.
6. БПРС – Гессен Д., Стыпула Р. Большой польско-русский словарь : в 2 т. / Д. Гессен, Р. Стыпула. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Русский язык – В. : Ведза Повшехна, 1979-1980.
Т. 1. – 1979. – 664 с.
Т. 2. – 1980. – 776 с.
7. РБФС – Русско-болгарский фразеологический словарь / К. Андрейчин, С. Влахов, С. Димитрова, К. Запрянова; под ред. С. Влахова. – М. : Рус.яз.; С. : Наука и искусство, 1980 – 584 с. Фразеологичен речник на българския език / К. Ничева, С. Спасова-Михайлова, К. Чолакова : в 2 т. – С. : БАН , 1974-1975.
8. УМ – Войтович В. М. Українська міфологія / Валерій Миколайович Войтович. – Вид. 2-ге, стереотип. – К. : Либідь, 2005 – 664с.; іл.
9. ФСРЯ – Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. – издание второе, стереотип. – М. : Советская энциклопедия, 1968 – 543 с.
10. ФСУМ – Фразеологічний словник української мови / уклад. В. М. Білоноженко та ін. – К. : Наукова думка, 1999. – 984 с.
11. ЭСРЯ – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. – Т. 2 (Е – Муж) / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачёва. – 2-е изд., стер. – М. : Прогресс, 1986. – 672 с.
12. SFYP – Skorupka St. Słownik frazeologiczny języka polskiego. – W. : Weedzapowszechna, 1974.
Т. 1. – 1974. – 788 с.
Т. 2. – 1974. – 905 с.

Ареф'єва Н. Г. Концепт “душа” у слов'янській фразеології.

Статтю присвячено комплексному аналізу концепту “душа” на матеріалі російської, української, болгарської та польської фразеології. Дослідження здійснюється на широкому лексикографічному та пареміологічному матеріалі із залученням даних етнолінгвістичних та етимологічних джерел. Авторка доходить висновку щодо виключної ролі концепту “душа” у слов'янській культурній традиції.

Ключові слова: слов'янські мови, фразеологізм, слов'янська фразеологічна картина світу, ключовий концепт, національно-культурна специфіка.

Arefyeva N. G. Concept “soul” in Slavic phraseology.

The article is dedicated to the complex analysis of the concept “soul” based on Russian, Ukrainian, Bulgarian and Polish phraseology. Wide lexicographical and paremiological material with the usage of etymological and ethnolinguistic data is used. On the basis of these results the author comes to conclusion about exceptional role of the concept “soul” in Slavic cultural tradition. It is claimed that soul can characterize such categories as inward life of a person, a wide range of their feeling and emotions, moral purposes in the Slavic phraseological picture of the world. Soul is an important element in the opposition life – death verbalization. The national and cultural specificities are underlined.

Keywords: Slavic languages, phraseological unit, Slavic phraseological picture of the world, key concept, national culture specificity.

Барменкова О. П.

Национальный университет имени Богдана Хмельницкого

СРАВНИТЕЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ И. БАБЕЛЯ

Статья посвящена анализу компаративных конструкций в творческом наследии языковой личности И. Бабеля. В структуре компаративного поля выделяются ядерные конструкции – сложные сравнительные предложения и сравнительные обороты, а также значительный массив единиц, которые передают сравнение при помощи отдельных языковых маркеров, и конструкции с имплицитным показателем сравнения.

Ключевые слова: языковая картина мира, компаративные конструкции, сравнение, метафора.

Постановка проблемы и ее значение. Интерес к проблеме индивидуальной языковой картины мира обусловлен доминированием в современной лингвистике антропоцентрической парадигмы. Объектом языкового анализа становится языковая личность как носитель определенных творческих и национально-культурных особенностей. В связи с этим плодотворным представляется изучение взаимодействия разноуровневых элементов картины мира: универсального – языкового – этнического – индивидуального. Материалом для исследования выбрано творческое наследие сложной языковой личности И. Бабеля, который своей художественной манерой выделяется даже среди ярких и своеобразных литературных дарований первой половины XX столетия.

Компаративные тропы не только фиксируют элементы картины мира, как и все языковые единицы, но и демонстрируют их формирование, поскольку они являются динамическими моделями. Метафора и сравнение – это гибкие средства репрезентации смысла, они эксплицируют работу познания в процессе освоения мира, поскольку фиксируют точку зрения воспринимающего, а главная задача языка состоит в ориентации в когнитивной области говорящего. Компаративные тропы представляют собой образования, несущие определенный “промежуточный” элемент, который связывает фрагменты картины мира. Эта связь может носить как логический, так и